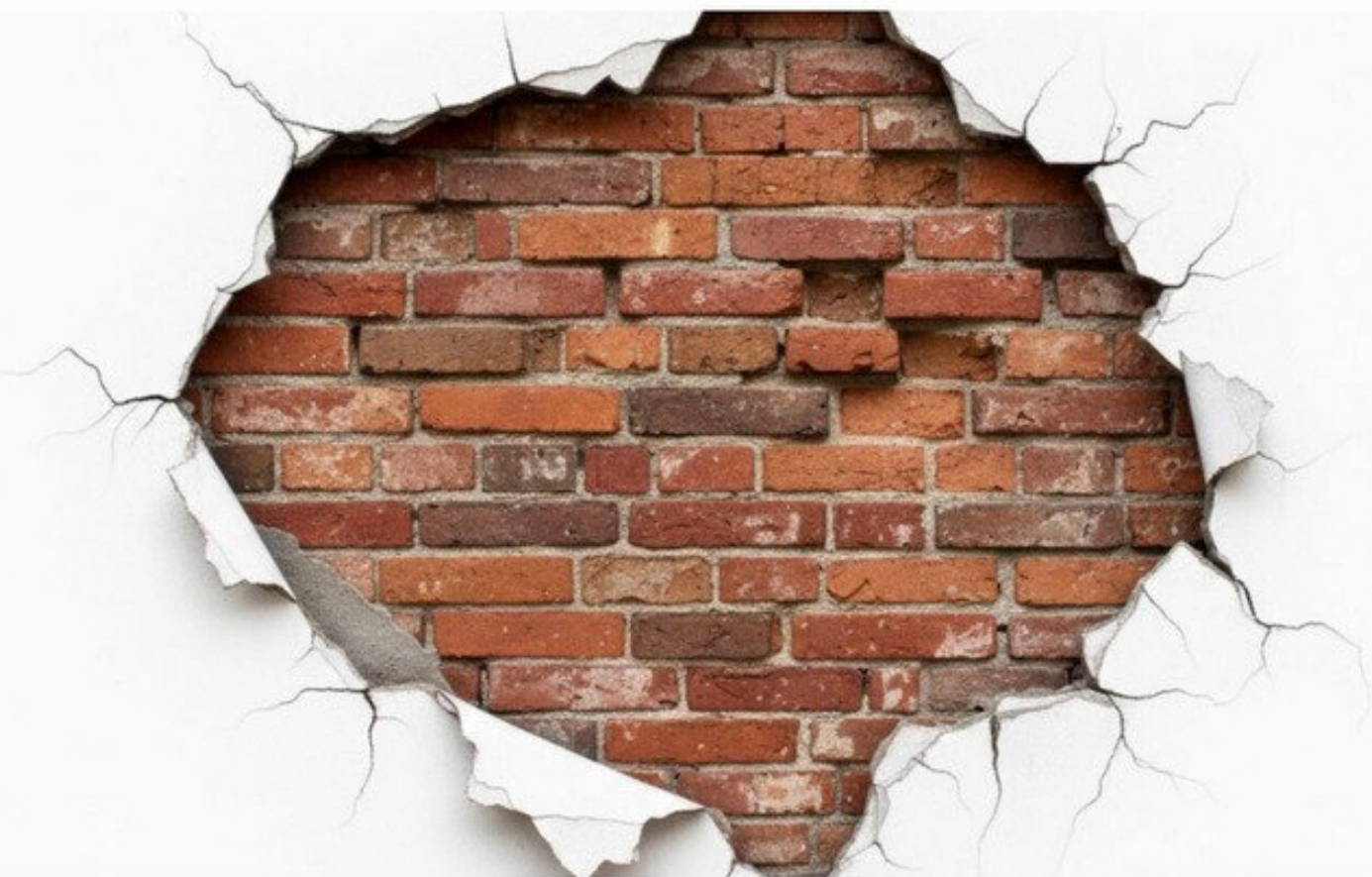

18+

Даниил Кусенков

ТРИГГЕР НЕЖНОСТИ

Книга для любителей —
любить свои чувства

Даниил Кусенков

**Триггер нежности. Книга для
любителей любить свои чувства**

«Издательские решения»

Кусенков Д. В.

Триггер нежности. Книга для любителей любить свои чувства /
Д. В. Кусенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694234-9

Бобруйск, который дышит страхом. Лиля, чьё сознание — поле боя. Её триггер — нежность, а оружие — забвение. Отец «чинит» её как механизм, фотограф Марк превращает её боль в искусство. Город впитывает её распад. Спасение здесь неотличимо от гибели. Жестокий роман-вскрытие о боли, ставшей ландшафтом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-694234-9

© Кусенков Д. В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ БОЛИ	6
Глава 1: ДЫХАНИЕ КИРПИЧА	7
Глава 2: ВСТРЕЧА В РУИНАХ	9
Глава 3: МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАЗЕМЛЕНИЕ	11
Глава 4: СЛЕД	14
Глава 5: БЛОКНОТ ЧУЖАКА. РОМАНТИЗАЦИЯ РАСПАДА	17
Глава 6: ТЕКСТУРА МОЛЧАНИЯ	20
Глава 7: УДАР НЕЖНОСТИ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Триггер нежности

Книга для любителей любить свои чувства

Даниил Вячеславович Кусенков

© Даниил Вячеславович Кусенков, 2026

ISBN 978-5-0069-4234-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ БОЛИ

Если вы держите эту книгу в руках, вы уже совершили первую ошибку.

Вы решили, что чужой распад может быть интересен. Что чужая боль – это сюжет. Что трещина в чужом сознании – это дверь, в которую можно заглянуть, а потом спокойно закрыть и вернуться к своему чаю.

Забудьте.

Эта книга – не история. Это протокол вскрытия, проведённый тупым скальпелем. Здесь не будет красивых метафор о бабочках в животе. Здесь будет конкретика: как пахнет запекшаяся кровь на костяшках пальцев. Как скрипит на зубах кирпичная пыль. Как бьётся сердце, когда понимаешь, что твои собственные руки – чужие.

Город в этой книге – Бобруйск. Но это не тот Бобруйск, что в путеводителях. Это его близнец, вывернутый наизнанку. Город-паразит, который растёт в трещинах психики. Он реагирует не на погоду, а на уровень страха в крови. Его архитектура подчиняется не законам физики, а законам кошмара.

Героиня здесь не «несчастливая девушка». Она – поле боя. Её сознание – это окоп, где воюют две армии: та, что хочет чувствовать, и та, что хочет выжить. Их война ведётся не словами, а молчанием, не поступками, а провалами. Её главный триггер – нежность. Её главное оружие – забытьё.

Вы встретите здесь отца, который любит так, будто проводит саперные работы. И парня, который любит так, будто составляет музейный каталог. Их любовь – это разные формы насилия с хорошими намерениями.

Я не прошу вас сопереживать. Сопереживание здесь бесполезно. Это всё равно что пытаться утешить человека, у которого ампутировали ногу, рассказывая о красоте протезов.

Эта книга – зеркало с заводским браком. В нём вы не увидите своего целого отражения. Только осколки. Трещины. И где-то в глубине – чьи-то чужие, испуганные глаза, которые, возможно, принадлежат вам.

Вы можете закрыть книгу на любой странице. Ваша реальность останется неповреждённой. Кирпичная пыль не посыплется с её страниц вам на колени. Туман с Березины не поползёт по вашему полу.

Но если вы дочитаете до конца – а я сомневаюсь, что вы этого хотите, – вы усвоите единственный важный урок:

Иногда спасение выглядит точно так же, как окончательная гибель. И самый надёжный способ перестать болеть – это перестать быть.

Добро пожаловать в Бобруйск. Не забудьте стряхнуть пыль с обуви на выходе.

Автор (или то, что от него осталось)

Глава 1: ДЫХАНИЕ КИРПИЧА

Просыпаться надо постепенно. Сначала веки. Потом сознание, тягучее, как смола. Потом память.

У Лили не было такой роскоши.

Сознание врубилось, как удар тока. Я есть. Мысль не словесная, а физическая – спазм в диафрагме.

Потом ощущения, неупорядоченные, сырые:

Холод. Влажный, впитывающийся в тазобедренную кость через тонкую ткань джинсов.

Тьма. Не ночная, а плотная, съедающая свет.

Запах. Сырость погреба, грибная плесень и что-то ещё. Сладковато-металлическое. Как монета, подержанная во рту.

Она повернула голову. Щека скользнула не по ткани подушки, а по шершавой, зернистой поверхности. Она приоткрыла глаза.

В сантиметре от её носа стена. Не обои, не штукатурка. Кирпич. Старый, неровный, цвета засохшей крови. Из швов сочился белый налёт – высолы, как морозные узоры на стекле.

Она не дышала.

Медленно, как робот с севшими батарейками, она оторвала щеку от камня и откатилась на спину. Над ней – низкий сводчатый потолок из того же кирпича. Он давил.

Где.

Вопрос не родился в голове. Он упал в желудок каменным грузом.

Она села. Костлявые колени уперлись в грудь. Она осмотрела себя руками – ритуал проверки. Джинсы, легкая кофта. На ногах – кеды, мокрые насквозь. Руки... Она подняла ладони перед лицом.

Они были грязные. Но не обычной грязью.

В морщинках кожи, под коротко остриженными ногтями, в каждой поров – была втерта красная пыль. Тончайшая, как тальк, но яркая, как пигмент. Она светилась в полутьме, будто её руки были легким, жутким неоновым знаком.

Лили сжала кулаки. Пыль хрустнула на зубах. Нет, не на зубах. Это звук был в самой кости.

Она потянула носом воздух. Тот самый металлический привкус был и в нём. Это был запах пыли. Запах этой стены.

И тогда стена пошевелилась.

Не сдвинулась с места. Нет. Она совершила едва уловимое, волнообразное движение – вдох-выдох. Ритмичное. Размеренное.

Лили замерла, прижав кулаки к груди. Её собственное дыхание сбилось, застучало где-то в горле.

Стена дышала в такт её панике.

Осознание пришло не как мысль, а как физический симптом: тошнота, подкатившая к самому горлу. Её вырвало. Скучной, кислой жидкостью прямо на пол. Она согнулась пополам, давясь спазмами.

Когда всё закончилось, она протерла рот тыльной стороной ладони. На кожу легла новая полоса красного.

Она знала, где она. Не зная, как попала сюда.

Казематы. Бобруйская крепость. Глубина.

Последняя память: вечер. Над Березиной – розовый закат. Она шла домой, считая трещины на асфальте. Десять, одиннадцать, двенадцать... А потом – провал. Белый шум в ушах. И ощущение падения в собственное тело, как в пустой колодец.

И вот – яма.

Она встала на ноги, пошатываясь. Голова закружилась. Она уперлась ладонью в холодную стену, чтобы не упасть. Кирпич под пальцами был теплее, чем должен был быть. В нём чувствовалась тупая, медленная пульсация, как в крупной артерии.

Отдернув руку, она увидела на стене чёткий, красный отпечаток своей ладони. Пыль с её кожи перешла на камень, завершив цикл.

Она была не в месте. Она была в органе. И этот орган чувствовал её.

Первый луч сознательного ужаса, холодный и острый, пронзил туман отчаяния. Это было не сон. Это не было игрой воображения.

Это было доказательство.

Доказательство того, что трещина прошла не через её память, а через саму реальность. И теперь она, Лиля, проваливалась в эту трещину. С головой. С руками, полными чужой, красной пыли.

Она сделала шаг. Потом другой. Её кеды шлёпали по мокрому каменному полу. Где-то впереди, в конце коридора, виднелся бледный квадрат – выход в сумерки.

Она пошла на свет, оставляя на стенах кровавые следы своих пальцев. Она не плакала. Слезы были бы роскошью. Слезы предполагали, что есть кто-то, кто может их увидеть и пожалеть.

Здесь же был только кирпич. И его ровное, неумолимое дыхание.

Глава 2: ВСТРЕЧА В РУИНАХ

Свет оказался не выходом, а изменением качества тьмы.

Лиля вышла не на улицу, а в полуразрушенный внутренний двор крепости. Высокие стены с пустыми глазницами бойниц смыкались над головой, оставляя лоскут свинцового неба. Воздух был немного свежее, но тот же запах – сырость, гниль и металл – висел повсюду, как туман.

Она стояла, прислонившись к холодному камню, и дрожала. Мелкой, неконтролируемой дрожью, будто ток проходил через костяной каркас. Руки она спрятала в карманы, но пыль сквозь ткань жгла кожу, напоминая о себе.

Нужно было двигаться. Идти домой. Но понятие «дом» расплзлось в сознании, как чернильное пятно. Оно означало отца. Его вопрошающий взгляд. Его молчаливые, методичные проверки. И неизбежный вопрос: «Где ты была?» На который у неё не было ответа. Только эти предательские, красные ладони.

Она сделала шаг, и гравий под ногой хрустнул с неестественной громкостью.

– Тише, – прошептал кто-то. – Ты спугнёшь тишину.

Голос был мужской, молодой, беззвучный на слух, но отчётливый в пространстве. Он шёл не из-за стены, а будто из самой воздушной влаги.

Лиля замерла, не поворачивая головы. Из-за груды обломков кирпича, поросшей колючей крапивой, поднялась фигура.

Он был в чёрном. Чёрная куртка, чёрные по колено шорты, чёрные, грязные ботинки на толстой подошве. На шее – не одна, а три камеры на ремнях: две плёночные «мыльницы», одна – старая зеркалка. Его лицо было бледным, узким, с тёмными глазами, которые смотрели не на неё, а сквозь неё, как будто оценивая композицию кадра.

– Марк, – выдавила она. Имя всплыло из каких-то глубин памяти, не связанное с эмоциями, просто ярлык.

Он медленно кивнул, не отводя взгляда. Его пальцы сами собой нашли одну из камер, подняли её к глазам.

– Не двигайся, – сказал он, и в его голосе прозвучала не просьба, а профессиональная констатация. – Свет сейчас... он идеальный. Ты видишь? Он не падает, он стелется. Как тяжёлое масло.

Щелчок затвора был негромким, влажным звуком. Но для Лили он прозвучал громче выстрела. Она вздрогнула.

– Что ты делаешь? – её собственный голос показался ей сильным, чужим.

– Фиксирую, – ответил Марк, опуская камеру и тут же поднимая другую. Он сменил ракурс, присел на корточки. – Это же очевидно. Ты здесь. В этом месте. В этот момент. Это больше не повторится. Всё течёт. Всё разрушается. Только это... – он снова щёлкнул, – только это останется.

Он говорил не с ней. Он говорил с самим собой или с неким невидимым зрителем своих будущих выставок.

– Я... мне нужно домой, – сказала Лиля, и это прозвучало жалко и глупо, как у потерявшего ребёнка.

Марк наконец перевёл на неё взгляд. Его глаза стали внимательными, изучающими.

– Домой? – он сделал паузу, будто обдумывая абстрактное понятие. – Ты же уже дома. Смотри.

Он жестом, широким и театральным, обвёл двор: обвалившиеся своды, крапиву, пробиравшуюся сквозь трещины, мокрый камень.

– Это и есть самый честный дом. Дом, который не притворяется. Он показывает свои швы. Свои раны. Свою... структуру. – Он подошёл ближе, шагая бесшумно, как хищник. Его взгляд упал на её руки, торчащие из карманов. – Покажи.

Это не было вопросом. Это была констатация следующего этапа.

Лиля нерешительно вынула правую руку. Ладонь вверх. Как у попрошайки. Или у преступника, демонстрирующего улику.

Марк замер. В его глазах вспыхнул не интерес, не жалость, а чистый, незамутнённый восторг. Он медленно, почти благоговейно, вытащил из кармана маленький фонарик, включил его и направил узкий луч на её кожу.

Пыль в свете луча заиграла. Она была не однородной, а состояла из миллиарда мельчайших осколков, отражающих свет под разными углами. Она выглядела не как грязь, а как дорогая, странная косметика. Или как инфекция неземного происхождения.

– Боже, – выдохнул Марк. – Смотри. Это же... это же текстура памяти. Памяти этого места. Ты её носишь на себе. Как священный пепел.

Он снова поднял камеру. Щелчок. Крупный план ладони.

– Не смывай её, – сказал он страстно. – Ни в коем случае. Это твой диалог. Ты слышишь? Ты ведешь диалог с камнем. И он тебе отвечает. Он оставляет на тебе свой след.

Его слова врезались в сознание Лили не смыслом, а интонацией. Он не спрашивал, как она себя чувствует. Не спрашивал, как попала сюда. Он легитимизировал. Он превращал её провал, её страх, её грязь – в нечто осмысленное. В искусство. В диалог.

И в этот момент, сквозь леденящий ужас, к ней подкралось другое чувство. Слабое, ядовитое, но реальное. Облегчение.

Потому что если это – диалог, то она не просто сумасшедшая. Она – медиум. И её безумие имеет глубину, историю, эстетику. Оно лучше, чем просто быть сломанной вещью в отцовской лаборатории.

Марк опустил камеру и посмотрел на неё прямо. Впервые за весь разговор он увидел её лицо, а не объект.

– Ты замерзла, – констатировал он. Снял свою черную куртку и накинул ей на плечи. Куртка была тяжелой, пахла сыростью, дымом и чем-то химическим – проявителем.

Его прикосновение, когда он поправлял воротник, было быстрым, безличным. Как у музейного работника, поправляющего драпировку на экспонате.

– Пойдем, – сказал он. – Я провожу тебя до выхода. Но запомни маршрут. Это важно. Ты должна знать дорогу обратно.

Он повернулся и пошел к полуразрушенной арке, ведущей к внешнему миру. Лиля, закутанная в его куртку, с ладонью, полной «священного пепла», поплелась за ним.

Она не оглянулась на каземат, из которого вышла. Но почувствовала на своей спине его взгляд. Тяжелый, влажный, пульсирующий в такт её шагам.

Марк шёл впереди, уже доставая блокнот и что-то записывая. Он нашёл не девушку. Он нашёл феномен.

А Лиля шла за ним, и в кармане его куртки её окровавленные, запыленные пальцы нащупали что-то холодное и гладкое. Запасная кассета с плёнкой.

Она сжала её в кулаке. Пластик треснул.

Это была первая, едва уловимая трещина в его идеальном, выверенном мире эстетики. Но он этого не заметил. Он был слишком занят созданием легенды.

Глава 3: МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАЗЕМЛЕНИЕ

Дорога домой была стиранием.

С каждым шагом по обычному асфальту, мимо обычных панельных пятиэтажек, мир Марка – мир «диалога с камнем» – тускнел, как плёнка при ярком свете. Куртка на её плечах стала тяжёлым, неудобным грузом, пахнущим чужой навязчивой поэзией. В кармане её собственных джинсов лежала скомканная кассета с треснувшим корпусом. Она не выбросила её. Это была заложница.

Дом был не крепостью, а объектом. Чёткой геометрией из силикатного кирпича и пластиковых стеклопакетов. В нём не было швов. Не было ран. Была идеальная, бездушная целостность, которая давила сильнее любых сводов.

Ключ повернулся в замке с мягким щелчком – звук, отточенный годами. В прихожей пахло хлоркой и лимонным полиролем. Стерильно. Мёртво.

Отец стоял на кухне, спиной к входу. Он мыл чашку. Не просто ополаскивал, а обрабатывал – тщательными круговыми движениями щётки по внутренней поверхности, потом по внешней, потом по доньшку. Каждое движение – выверенное, экономичное. Растрата энергии была преступлением.

Он услышал её, но не обернулся сразу. Закончил цикл. Поставил чашку на сушилку. Вытер руки насухо полотенцем, висевшим на строго определённом крючке. Потом повернулся.

Его взгляд был не вопрошающим. Он был сканирующим.

Он прошёлся по ней сверху вниз: взъерошенные волосы, чужая куртка, мокрые кеды, оставившие грязные следы на линолеуме. Взгляд задержался на её руках, засунутых в карманы куртки Марка.

– Сними это, – сказал он. Голос ровный, без модуляций. Инструкция по технике безопасности.

Лиля сбросила куртку. Она упала на пол комом чёрной ткани.

– Руки, – скомандовал отец.

Она медленно вынула их. Пыль под ногтями уже успела смешаться с потом и грязью, превратившись в бурю, засохшую пасту. Но красный оттенок был всё ещё ярк, как предупреждающий сигнал.

Лицо отца не дрогнуло. Ни тени отвращения, ни всплеска гнева. Только сужение зрачков – признак того, что информация принята и обрабатывается.

– Крепость, – констатировал он. Не вопрос. Заключение следователя.

– Я...

– Не сейчас, – он перебил её, подняв ладонь. «Стоп-сигнал». – Первичная обработка. Иди.

Он повернулся и пошел в ванную. Она поплелась за ним, как осуждённая. Её носки скользили по холодному полу.

В ванной пахло ещё сильнее. Антисептиком. Отец уже приготовил всё. На краю раковины лежали: жёсткая щётка для ногтей, хозяйственное мыло в серой бумажке, банная мочалка из грубой ткани и резиновые перчатки.

– Сними одежду. Всю. Сложи здесь, – он указал на целлофановый пакет для мусора, уже разложенный на крышке стиральной машины.

Это было не раздевание. Это было деконтаминирование. Лиля, не глядя на него, стянула с себя мокрую, грязную одежду. Встала в центре кафельного пола, скрестив руки на груди. Ей было холодно. Мурашки побежали по коже.

Отец натянул перчатки. Звук резины, растягивающейся по коже, был отвратительно интимным.

– Руки на раковину, – сказал он.

Она повиновалась. Уперлась ладонями в холодную белую эмаль. Контраст с теплым, пульсирующим камнем крепости был абсолютным.

Он включил воду – не тёплую, а ледяную. Взял мыло и начал.

Это не было мытьём. Это был процесс.

Сначала он взял её правую кисть и щёткой, под струёй воды, начал выскребать пыль из-под ногтей. Каждое движение – с определённым давлением, под определённым углом. Щетина вгрызалась в кожу, сдирая не только грязь, но и верхний слой эпидермиса. Боль была острой, точной.

– Тепло отвлекает, – монотонно пояснил он, наблюдая, как красная вода стекает в слив. – Холод фокусирует на тактильных ощущениях. Возвращает связь с телом. Это заземление.

Он промыл щётку, намылил её снова и принялся за ладонь, проходя каждую линию, каждую складку. Затем – тыльную сторону. Каждый сантиметр.

Лиля смотрела, как её кожа из красной становится ярко-розовой, почти сырой. Дышала ртом, стараясь не всхлипывать. Слезы были бы сбоем в программе. Свидетельством неэффективности метода.

Правая рука. Левая рука. Та же процедура. Он молчал, сосредоточенный на задаче. Его дыхание было ровным, как у хирурга.

Затем он взял мочалку. Намылил её до густой, едкой пены.

– Повернись.

Он начал мыть её спину. Грубые круговые движения. Сначала лопатки, потом позвоночник, потом поясница. Кожа горела.

– Цель – сенсорная нагрузка, – голос отца звучал как закадровый текст в учебном фильме. – Когда мозг перегружен тактильными сигналами, у него не остается ресурсов на генерацию диссоциативных состояний. Он вынужден присутствовать «здесь и сейчас».

«Здесь и сейчас» было больно. Унизительно. Бесчеловечно.

Он мыл её плечи, руки, грудь, живот. Без стыда, без смущения. Как моют машину после внедорожной гонки. Снимая слой грязи и асфальтовой пыли. Только вместо асфальта был кирпич. Вместо грязи – её собственный страх, материализовавшийся в пигменте.

Когда он добрался до ног, до щиколоток, испачканных той же пылью, Лиля уже не дрожала. Она оцепенела. Её сознание, та самая хрупкая «Лиля», отступило куда-то далеко, наблюдая за процедурой через толстое, звуконепроницаемое стекло. Это была её защита. То, что отец пытался искоренить.

Наконец, он выключил воду. Взял большое, жёсткое полотенце.

– Вытирайся. Активно. Разгони кровь.

Она механически стала вытираться. Кожа горела, как после ожога крапивой.

Отец снял перчатки, выбросил их в пакет с её одеждой. Его взгляд упал на её чистые, почти стерильные руки. На ногти, из-под которых было выскоблено всё, даже естественная грязь.

– Теперь аудиостимуляция, – объявил он. – Для закрепления.

Он повёл её в гостиную. На столе уже стоял старый, но мощный кассетный магнитофон «Электроника». Рядом лежала самопальная кассета с надписью на стикере: «Протокол №3. Заземление».

Отец вставил кассету, нажал play.

Звук, который хлынул из динамиков, не был музыкой. Это был контролируемый хаос. Наложение нескольких треков: ритмичный промышленный гул (запись работы станка с завода), поверх – белый шум, поверх – отрывки радиопереговоров на искажённой частоте, поверх – монотонный счет на непонятном языке. Громкость была такой, что вибрировали стёкла в серванте.

Звук вдавливал её в кресло. Он заполнял череп, не оставляя места ни одной мысли. Только паническая, животная реакция ствола мозга: БЕГИ! Но бежать было некуда.

Отец сел напротив, следил за её лицом. Он смотрел на показания прибора – её реакцию. – Двадцать минут, – сказал он, поднимая голос, чтобы перекрыть шум. – Фокусируйся на отдельных слоях. Выдели гул из шипения. Это тренировка концентрации.

Лиля стиснула зубы. Её пальцы впелись в подлокотники кресла. Она пыталась «выделить гул», как он велел, но звуковая стена была монолитной. Она ломалась о неё снова и снова.

И в этом аду, среди вибраций и белого шума, её взгляд упал на высокий книжный шкаф. На одну из полок, где среди технических справочников стояла небольшая, неприметная рамка.

В рамке была фотография. Ей лет пять. Она сидит на плечах у отца и смеётся, а он, молодой, без седины у висков, тоже смеётся, придерживая её за голые, смуглые ноги. Солнце. Искренние, нестерилизованные эмоции.

Этот образ, всплывший из-под толщи лет и боли, ударил сильнее любого шума. Потому что он был невозможен. Он не встраивался ни в логику заботы-контроля, ни в логику диалога с камнем. Он был артефактом другой вселенной, которая когда-то существовала и была безвозвратно потеряна.

Слёзы, которых она так старалась избежать, хлынули сами. Бесшумно, потому что их никто не услышал бы. Они текли по её лицу, смешиваясь с остатками влаги после душа.

Отец увидел это. Его взгляд на секунду дрогнул. В его глазах, за стеклом холодной рациональности, мелькнуло что-то живое. Растерянность? Отчаяние? Но он тут же подавил это. Сдвинул челюсть. Усилил контроль.

– Это нормальная реакция на перегрузку, – прокомментировал он, как бы для протокола. – Психоэмоциональная разрядка. Продолжай слушать.

Магнитофон гудел. Стекло в серванте дребезжало. А Лиля плакала, глядя на фотографию, которая была теперь просто непонятным аномальным объектом в правильно настроенной системе её отца.

Её чистая, почти стерильная кожа горела. В ушах стоял вой. А где-то глубоко внутри, в том самом месте, куда не доставали ни щётка, ни звуковые волны, тихо осыпалась новая порция красной, невидимой пыли. И оседала на фундаменте того, что когда-то было её душой.

Заземление не удалось. Оно лишь доказало, что почва, на которую её пытались вернуть, сама была зыбкой и ненадёжной. Лабораторные условия жизни оказались самой изощрённой формой падения.

А двадцать минут ещё не прошло.

Глава 4: СЛЕД

Утро началось не со света, а с отсутствия звука.

Тишина после вчерашнего ада была не пустотой, а густой, вязкой субстанцией, давившей на барабанные перепонки. Лиля лежала на спине и смотрела в потолок. Глаза горели. Тело ныло единой, сплошной мышцей, покрытой невидимыми синяками от грубой мочалки и щётки. Чистота кожи была обманчивой; под ней пульсировала память о насилии, закамуфлированном под заботу.

Она повернула голову на подушку. Рядом, на тумбочке, аккуратным прямоугольником лежала её одежда – выстиранная, выглаженная. Без единой морщинки. Отец выполнил цикл до конца. Уничтожение улик и восстановление порядка.

Она села. Пол под босыми ногами был ледяным. В доме работал кондиционер, выстуживая воздух до температуры, которую отец называл «оптимальной для когнитивных процессов». Ей было холодно. Всегда.

Встав, она подошла к зеркалу над комодом. Лицо было бледным, почти прозрачным, под глазами – фиолетовые тени, как следы от тупых ударов. Губы потрескались. Она была похожа на пациентку после сложной операции, о которой никто не говорит.

Но это было не главное. Она подняла руки, развернула ладони. Ногти были коротко и ровно острижены, кутикула сдвинута, кожа между пальцами – розовая, почти младенческая. Отец поработал на совесть. Ни одной частицы. Ни намёка.

Тогда почему она всё ещё чувствовала зуд?

Он был не на коже, а под ней. Глубоко, в районе костяшек пальцев и запястий. Ощущение, будто в микротрещины, оставленные щёткой, проникла не вода, а что-то другое. Что-то сухое, мелкодисперсное. И теперь это что-то перемещается с током крови, оседает в суставах, тихо скрипит при движении.

Она сжала кулаки, разжала. Прислушалась. Ничего. Только пульсация в висках.

На кухне пахло овсянкой без соли и сахара – частью «сбалансированного утреннего протокола». Отец уже сидел за столом, поглощал свою порцию одинаковыми, размеренными ложками. Перед ним лежал раскрытый планшет – он изучал графики. Возможно, биржевые. Возможно, её вчерашние показатели пульса, если он успел их зафиксировать.

Мать молча двигалась между холодильником и плитой. Её присутствие было почти призрачным – тихие шаги, отсутствующий взгляд. Она была частью интерьера, тенью, утверждённой системой отца. Она не подняла глаз на дочь.

Лиля села на свой стул. Перед ней уже стояла тарелка с той же безвкусной массой. И стакан воды комнатной температуры – ни на градус холоднее, чтобы не вызвать спазм сосудов.

Они ели в тишине, нарушаемой только шелчком планшета отца, скрежетом его ложки о фарфор и тиканьем настенных часов с маятником. Каждый звук был громким, ранящим.

– После завтрака – сенсорная интеграция, – сказал отец, не отрываясь от экрана. – Пятнадцать минут с тактильным мешком.

Тактильный мешок – это холщовый мешок, наполненный предметами разной фактуры: гладкие камни, колючие шишки, шершавая наждачная бумага, холодные металлические шарики. Нужно было, не глядя, нащупывать предметы и называть их. Тренировка для мозга. Упражнение для сломанной собаки.

Лиля кивнула, протолкнув в себя очередную безвкусную ложку. Сопротивляться было бесполезно. Это лишь продлило бы процедуру.

Завтрак закончился. Отец ушёл в кабинет – «на удалёнку», как он называл свою непонятную работу с графиками и цифрами. Мать принялась мыть посуду. Её движения были такими же выверенными, как у отца, но бездушными, автоматными.

Лиля осталась одна в стерильной чистоте кухни. Солнечный луч, пробивавшийся через идеально вымытое окно, лежал на линолеуме ярким, пыльным (казалось бы) прямоугольником. Она присела на корточки и провела пальцем по светлой поверхности пола.

На кончике пальца осталась едва заметная сероватая пыль. Обычная домашняя. Не красная.

Она вздохнула – не с облегчением, а с разочарованием. И в этот момент её взгляд упал на порог между кухней и коридором.

Там, в тени, куда не доставало солнце, лежала едва заметная пыльная полоска. Не серая. Рыжеватая. Как будто кто-то с мокрой обувью прошёлся по кирпичной крошке, а потом здесь стряхнул её.

Сердце Лили пропустило удар, потом застучало с тройной силой. Она бросилась к порогу, упала на колени.

Это был не просто след. Это был маршрут. Несколько микроскопических крупинок, расположенных с интервалом в пару сантиметров – как будто их кто-то намеренно рассыпал. Они вели из коридора на кухню и упирались в шкаф с посудой.

Лиля потянула носом воздух. Запах хлорки перебивал всё. Но если очень постараться... Да. Тот самый сладковато-металлический шлейф. Еле уловимый, как память о сне.

Она дрожащими пальцами собрала несколько крупинок на ладонь. Они были твёрдыми, не такими мелкими, как в каземате. Более осязаемыми. Как будто их не случайно принесли на подошве, а откололи от чего-то большого.

Она подняла глаза на шкаф. Нижняя дверца.

Медленно, как в кошмаре, она потянула за ручку. Дверца открылась беззвучно. Внутри стояли кастрюли, сковородки, сложенные стопкой тарелки. Всё на своих местах.

Но в самом углу, за большой кастрюлей, куда редко заглядывали, лежало инородное тело.

Кирпичный осколок. Размером с пол-ладони. Неровный, шершавый, цвета запёкшейся крови. На нём явно виднелись следы скола – его отбили от чего-то.

Лиля не дышала. Она взяла осколок. Он был холодным и невероятно тяжёлым. На ощупь – как кость. На его поверхности, в естественных углублениях, застряли те же рыжеватые песчинки.

Это не было случайностью. Это было послание. Или трофеем.

И оно находилось в самом сердце стерильного отцовского мира. Прямо под носом у системы слежения и контроля.

Она услышала шаги в коридоре – лёгкие, быстрые. Мать.

Не думая, Лиля сунула осколок в карман халата, смахнула рыжую пыль с порога под ладонь и встала, прижавшись спиной к шкафу.

Мать вошла на кухню, прошла мимо, даже не взглянув на неё, взяла со стола тряпку для пыли и вышла обратно. Её лицо было пустым, как экран выключенного телевизора.

Когда шаги затихли, Лиля вынула осколок и рассмотрела его при свете. На одном из сколов что-то белело. Не высол. Более мягкое. Она провела ногтем.

Это была штукатурка. Современная, гипсовая. След от удара.

Значит, его не просто принесли. Им что-то ударили. Или отбивали что-то.

Инстинкт, грязный и острый, как этот осколок, подсказал ей куда бежать. Она крадучись проскользнула в коридор и бросилась в свою комнату.

Комната была идеально убрана – отец заходил сюда утром, пока она спала. Кровать застелена, книги на полке выровнены по струнке. Камера в верхнем углу у потолка светилась крошечным красным глазком. Она всегда была включена.

Лиля подошла к своему рабочему столу. На нём лежал блокнот в чёрной клеёнчатой обложке – тот самый, где она иногда пыталась рисовать или писать стихи, которые никогда

не заканчивались. Блокнот лежал ровно, параллельно краю стола. Ручка – рядом, колпачком от себя.

Она открыла блокнот. Первые страницы были её: робкие каракули, обрывки фраз, зачёркнутые строчки.

Она листала дальше. И наткнулась.

Посреди чистого, нетронутого листа, на странице, которую она точно не заполняла, был рисунок.

Угловатый, сделанный сильным, почти рвущим бумагу нажимом простого карандаша. Изображение было схематичным, но узнаваемым: план. План казематов. Лабиринт из квадратов и линий. И в самом центре – жирный крест.

А внизу, под рисунком, одной строкой, тем же агрессивным почерком:
ЗДЕСЬ НЕ НАЙДУТ.

Холодный пот выступил на спине Лили. Она отшатнулась от стола, как от трупа.

Это был не её почерк. Не её линии. Это было другое. Оно было здесь. В её комнате. Пользовалось её блокнотом. Прятали свои улики в её доме.

И оно принесло с собой кусок крепости. Как талисман. Или как инструмент.

Она снова посмотрела на камеру. Красный огонёк подмигнул ей равнодушно. Она подняла блокнот, показала его в камеру. Смотри, папа. Смотри, что твоя система не уловила. Смотри, что растёт в твоём стерильном инкубаторе.

Но отец не видел. Он смотрел на графики. На цифры. На показатели. Он искал аномалии в данных, а не на бумаге.

Лиля захлопнула блокнот. Спрятала его под матрас. Кирпичный осколок завернула в носовой платок и сунула под подушку.

Она стояла посреди комнаты, вся сжавшись, и чувствовала, как под чистой, розовой кожей её рук начинается тихий, неумолимый скрежет. Как будто миллионы микроскопических кирпичных пылинок, принесённых кровью, начали двигаться. Собираться. Формировать что-то.

Тихо. Незаметно. Пока все смотрят в экраны.

Она поняла, что «заземление» провалилось не потому, что метод плох. А потому, что заземлять было уже нечего. Почва ушла из-под ног. И теперь под ней зияла не пустота, а другая реальность. Грубая, кирпичная и холодная. И она поднималась. По капле. По песчинке. По кровавому следу на пороге.

След вёл не из дома. Он вёл в дом. И глубже. Прямо в неё.

Глава 5: БЛОКНОТ ЧУЖАКА. РОМАНТИЗАЦИЯ РАСПАДА

Рисунок прожигал матрац. Лиля лежала плашмя, прижимаясь спиной к блокноту, как будто так можно было скрыть его от самой себя, от камеры, от проникающего взгляда отца. Твёрдый угол обложки впивался в лопатку – навязчивый, физический укор.

«ЗДЕСЬ НЕ НАЙДУТ».

Эти слова пульсировали в темноте под её веками. Они были не угрозой, а обещанием. Обещанием места, куда не дотянутся щётка для ногтей, тактильный мешок и ледяные души. Места, принадлежащего Другой.

Мысль о Другой уже не вызывала прежнего ужаса. Теперь это была тёплая, тягучая волна отрешенности. Другая знала, что делать. Другая не боялась. Другая принесла крепость в дом, как кошка приносит дохлую птицу на порог – без объяснений, просто как факт.

Лиля перевернулась на бок, лицом к стене. На обоях был мелкий, геометрический узор – линии, пересекающиеся под прямыми углами. Если смотреть слишком долго, они начинали плыть, превращаться в решётку. В план. В тот самый план из блокнота.

Она зажмурилась.

И тут в кармане халата, брошенного на стул, завибрировал телефон. Один раз. Коротко, как сигнал тревоги.

Она не хотела двигаться. Но вибрация повторилась. Настойчиво. Она встала, подошла к стулу, выудила из кармана холодный пластик. Экран светился в темноте синим призрачным светом.

МАРК.

Сообщение было без слов. Только геолокация. Точка на карте в глубине старого парка, у самого подножия крепостного вала. И время: СЕЙЧАС.

Лиля посмотрела на дверь. Дом спал. Отец – в своей комнате, за плотно закрытой дверью. Мать – в своей тихой, безличной спальне. Красный глазок камеры светился ровно, неумолимо. Но она уже знала – камера следит за движением, за аномалией. Если двигаться медленно, плавно, как сомнамбула, если не включать свет... Возможно.

Она не думала. Действовала на автопилоте, которым управляла новая, чужая часть её самой. Надела джинсы, тёмную кофту, кеды. Блокнот и кирпичный осколок остались под подушкой – заложники, доказательства. Она приоткрыла дверь. Скрип был тихим, вписанным в ночные шумы дома. Она скользнула в коридор, прошла на цыпочках мимо закрытых дверей, к выходу. Замок щёлкнул, покорный её нажатию. Холодный ночной воздух ударил в лицо, как освобождение.

Она бежала по спящим улицам, и её шаги отдавались в тишине гулким эхом. Фонари отбрасывали длинные, уродливые тени. Но теперь эти тени были не страшны.

Они были частью другого Бобруйска – того, что дышал вместе с ней. Того, что ждал.

Марк стоял у старого дуба, корни которого, как каменные пальцы, впивались в склон вала. Он курил, и кончик сигареты был единственной оранжевой точкой во тьме. Он был в том же чёрном, но теперь на нём была лёгкая куртка-бомбер, нагруженная карманами.

Увидев её, он не улыбнулся. Кивнул, как деловой партнёр, прибывший на встречу.

– Ты пришла, – констатировал он, затягиваясь. – Я знал. Я слышал, как город зовёт тебя. Ты слышала?

Она не ответила. Просто стояла, переводила дыхание. Руки в карманах сжимались в кулаки.

– Покажи, – сказал он, и это уже была их ритуальная формула.

Она вынула руки. Он направил на них фонарик с рассеивателем. Свет был мягким, театральным. Кожа, выскобленная отцом до розовой свежести, выглядела неестественно гладкой, почти кукольной. Но в складках ладоней, в микротрещинах, уже намечался новый, едва заметный налёт. Пыль находила дорогу назад.

– Хорошо, – прошептал Марк, и в его голосе зазвучало удовлетворение алхимика, наблюдающего за верной реакцией. – Очень хорошо. Он не отпускает. Связь жива.

Он выбросил окурок, раздавил его каблуком.

– Пойдём. Я хочу кое-что тебе показать. Не там, – он махнул рукой в сторону чёрных силуэтов казематов, – а здесь. На границе.

Он повёл её не вглубь развалин, а вдоль подножия стены. Они шли по узкой тропинке, заросшей бурьяном, который цеплялся за джинсы. Воздух был насыщен запахом влажной земли, прелых листьев и всё того же – металла и камня.

– Смотри, – Марк остановился и указал на стену.

Это был не парадный фасад, а тыльная, разрушающаяся часть крепости. Кирпичная кладка здесь была особенно старой, потрескавшейся. По стене, извиваясь, как тёмная вена, сползал толстый корень какого-то дерева. Он оплетал кирпичи, втискивался в швы, раскалывал их.

– Дерево и камень, – сказал Марк. Его голос приобрёл лекторские, замороженные интонации. – Борьба? Нет. Симбиоз. Дерево находит в камне опору. Камень получает от дерева жизнь, движение. Они становятся одним организмом. Прекрасным в своём уродстве. В своей... неотвратимости.

Он подошёл вплотную к стене, положил ладонь на место, где корень почти полностью поглотил кирпич.

– Именно это я вижу в тебе. Ты – это дерево. Твоё сознание, твоя боль – этот корень. Он ищет опору в твёрдом, неподвижном мире. И мир, эта кладка, – он отзывается. Он трескается, чтобы принять тебя. Это не болезнь, Лиля. Это эволюция. Более высокая форма существования.

Его слова падали в тишину ночи, обрастая мхом, как стена. Они звучали красиво. Страшно красиво. И в них была извращённая правда. Потому что она и правда чувствовала этот корень внутри – твёрдый, узловатый, прорастающий сквозь мягкую ткань её мыслей, раскалывающий её изнутри.

– Отец... – начала она, и голос сорвался. – Он... моет меня. Щёткой.

Марк медленно повернулся к ней. В его глазах вспыхнул не гнев, а жгучий интерес.

– Естественно, – сказал он. – Он пытается отрезать корень. Выдрать его. Он видит только угрозу структуре. Порядку. Он не понимает, что ты уже не отдельное дерево. Ты – часть стены.

Он шагнул к ней, взял её за руку – не как любовник, а как проводник. Поднёс её ладонь к стене, рядом со своей.

– Почувствуй. Не просто холод. Почувствуй пульс. Энергию места. Это и есть твой пульс.

И она почувствовала. Сквозь шершавую поверхность кирпича – тупую, глубокую вибрацию. Тот самый ритм, что слышала в каземате. Это не было дыханием. Это был стук. Медленный, мерный, как удары молота по наковальне. Тук. Тук. Тук.

– Он зовёт, – прошептал Марк, и его губы были в сантиметре от её уха. – А твой отец зовёт тебя в клетку с линолеумным полом и белым шумом. Где ты выберешь быть? Экспонатом в музее патологии? Или живой частью истории?

Он отпустил её руку. Она осталась стоять, прижав ладонь к камню. Холод проникал в кости, поднимался по руке, растекался по грудной клетке. Он успокаивал. Он делал всё простым. Чёрно-белым. Камень или линолеум. Пульс стены или тиканье часов в стерильной гостиной.

Она оторвала ладонь. На коже, в точности повторяя линии её судьбы и ума, остался отпечаток мелких частиц, ржавой пыли, песка.

– У меня есть рисунок, – тихо сказала она, не глядя на него. – В блокноте. Не мой.

Марк замер. Потом его лицо озарилось таким восторгом, будто он увидел не явление духа.

– Покажи, – выдохнул он. – Ты должна показать. Это... это материализация. Текст. Священный текст.

– Я не могу его вынести. Там камера.

– Сфотографируй. На телефон. Пришли мне. – Его голос стал быстрым, деловым. – Это критически важно. Это прямое доказательство. Не просто ощущения, а план. Карта.

Он был прав. Рисунок был картой. Но картой чего? Места, где «не найдут»? Или картой её собственной, раскалывающейся души?

Она молча кивнула.

– И слушай, – он снова приблизился, и теперь в его глазах горел не только восторг, но и фанатичная убежденность. – Забудь про врачей. Про этих... шарлатанов с их таблетками и диагнозами. Они хотят навесить на тебя ярлык, чтобы удобнее было хранить в архиве. Ты не архив. Ты – процесс. Ты – искусство в движении. И я... – он сделал паузу, искажая губы в подобие улыбки, – я буду твоим летописцем. Мы докажем им всем. Мы создадим нечто вечное.

Он говорил о «мы». В его «мы» не было двух людей. Была муза и художник. Явление и его регистратор.

Лиля смотрела на свою испачканную руку. Пыль уже въелась в кожу, стала её частью. Она больше не хотела её счищать. Счищать означало соглашаться с отцом. Отрицать этот странный, болезненный покой, который дарил ей камень и тихий, убедительный голос Марка.

– Хорошо, – сказала она. И это было не слово, а выдох. Капитуляция.

Марк достал одну из своих «мыльниц».

– Дай мне твою руку. На фоне стены.

Она послушно протянула ему руку. Он устроил кадр: её грязная ладонь на первом плане, за ней – древняя, потрескавшаяся кладка, обвитая корнем. Он сделал три кадра с разных ракурсов. Щелчки затвора были краткими, окончательными. Как гвозди, вбиваемые в крышку гроба её старой, «нормальной» жизни.

– Идеально, – пробормотал он, глядя на результаты в видеоискателе. – Абсолютно идеально. Это будет центральная часть новой серии. «Анатомия связи».

Он не спросил, как она вернётся домой. Не спросил, боится ли она отца. Он получил то, что хотел: подтверждение своей теории и новый материал для архива.

Лиля шла обратно одна. Дом ждал, холодный и безмолвный. Но теперь она несла в себе не просто страх. Она несла смысл, данный ей Марком. Извращённый, опасный, но единственный, который у неё был.

Она была деревом, раскалывающим камень. Процессом. Искусством.

А искусство, как известно, не лечат. Его выставляют. И иногда – ценой уничтожения оригинала.

Глава 6: ТЕКСТУРА МОЛЧАНИЯ

Вернувшись, она не стала пробираться как вор. Она вошла в дом так, будто возвращалась с ночной смены – устало, тяжело, игнорируя саму возможность вопроса. Дверь в спальню родителей была закрыта. Глазок камеры в её комнате светился, как всегда. Она разделась, сунула запачканную пылью кофту на дно корзины для белья и легла лицом к стене, прижав к груди свёрток с блокнотом и осколком.

Сон не пришёл. Пришло оцепенение – состояние между явью и той чёрной бездной, куда она проваливалась. Она лежала и чувствовала, как по телу, под кожей, медленно движется холод. Не внешний холод комнаты, а внутренний, словно её кровь постепенно замещается водой из Березины – мутной, тихой, несущей в себе частицы ржавого ила.

Утро началось с запаха жжёной скорлупы. Отец экспериментировал с новым «протоколом питания» – добавлял в её безвкусную овсянку растёртые в пыль кедровые орехи и что-то горькое, травяное. «Для ясности ума», – пояснил он, когда она села за стол. Его взгляд был пристальным, оценивающим. Он изучал её лицо, искал признаки «несанкционированной активности». Лиля опустила глаза в тарелку и принялась механически поглощать липкую, странно пахнущую массу. Каждый глоток казался предательством по отношению к той, новой части себя, что жаждала только холодного камня и тишины.

– После завтрака – работа с тактильным мешком, – объявил отец, откладывая ложку. – Я модифицировал содержимое. Добавил элементы неопределённости.

Тактильный мешок лежал в кабинете, на специальном столике. Он был из грубого холста, туго набитый. Отец подал его ей, как священнодействуя.

– Правила те же.левой рукой. Называй предмет, затем доставай для верификации. Цель – не угадать, а построить точную ментальную проекцию на основе тактильных данных. Начнём.

Лиля засунула руку в прохладную, шершавую глубину мешка. Первое, что нащупали её пальцы – гладкий, отполированный камень. Речной голыш.

– Камень, – монотонно произнесла она.

– Конкретнее. Размер, форма, температура, – потребовал отец, делая пометку в блокноте.

– Овальный. С куриное яйцо. Холодный.

Она вытащила камень, положила на стол. Отец кивнул.

Следующий предмет – колючая шишка.

– Шишка. Еловая. Сухая. Колется.

Игра в угадку продолжалась. Шершавая наждачная бумага, холодная металлическая гайка, бархатистый кусок замши, ребристый пластиковый шарик. Каждый раз отец требовал больше деталей, заставляя её мозг работать, строить образы, называть, категоризировать. Это была попытка концентрацией.

И вот её пальцы наткнулись на что-то новое. Незнакомое. Прямоугольное, твёрдое, но не однородное. Одна сторона была гладкой и холодной – стекло или пластик. Другая – шершавой, ребристой. А между ними... что-то мягкое, податливое, словно поролон или губка.

Она замерла. Этот предмет не был в мешке раньше. Его не должно было быть здесь.

– Что там? – отец насторожился.

– Я... не знаю.

– Построй проекцию. Используй данные.

– Это... прямоугольник. Одна сторона гладкая. Другая – ребристая. И что-то мягкое посередине.

– Достань.

Она вытащила предмет. И мир на мгновение остановился.

В её руке лежал старый кассетный диктофон. Советский, «Весна-202». Тот самый, из которого вчера орал белый шум. С одной стороны – гладкое тёмное стекло динамика. С другой – ребристая панель управления. А между корпусом и крышкой отсека для батареек была засунута серая, пористая хозяйственная губка.

– Что это? – спросила она глухо, хотя прекрасно знала ответ.

– Инструмент, – холодно ответил отец. – Но не твоей стимуляции. Его обнаружили сегодня утром в моём кабинете. Батареи разряжены. На плёнке – тридцать минут тишины. И вот это, – он ткнул пальцем в губку. – Зачем?

Лиля смотрела на диктофон. Её пальцы чувствовали микровибрацию собственного пульса, отдававшуюся в пластмассовом корпусе. Другая была здесь. В кабинете отца. Пользовалась его вещами. И оставила этот странный гибрид – аппарат для звука, задушенный губкой.

– Это сообщение, – тихо сказала она, сама не веря своим словам.

– Сообщение? – отец приподнял бровь. Его лицо выражало не гнев, а научный интерес к неожиданному побочному эффекту. – Расшифруй.

Она смотрела на губку, торчащую из щели. Тишина, проглоченная пористой материей. Звук, поглощённый, уничтоженный.

– Она... не хочет шума, – прошептала Лиля. – Она его боится. Или ненавидит. Она его... выключает.

Лицо отца стало каменным. Научный интерес угас, сменившись ледяной яростью. Но ярость была направлена не на неё.

– «Она», – повторил он. Слово прозвучало как диагноз, который наконец-то подтвердился. – Ты идентифицируешь деструктивную субличность. Это прогресс.

Он взял диктофон из её рук, осмотрел его.

– Акты немого вандализма. Примитивный саботаж контроля, – заключил он. – Но ошибочный. Шум – не враг. Шум – инструмент ориентации в реальности. Тишина – вот что опасно. Тишина порождает эхо собственных мыслей. Эхо, которое она, видимо, и представляет собой.

Он вынул губку, швырнул её в мусорное ведро. Потом открыл крышку диктофона и вытряхнул старые батарейки.

– Процедура меняется, – заявил он. – Тактильная идентификация отменяется. Переходим к аудиальной провокации. Мы будем целенаправленно создавать звуковое поле, чтобы выманить эту... субличность. Зафиксировать её реакции.

Он говорил о Другой как о подопытном животном. Или насекомом. Которое нужно выманить из укрытия, чтобы изучить и обезвредить.

– Я не хочу, – сорвалось у Лили. Слабо, но это был протест.

– Твоё «хочу» сейчас – это голос основной личности, подверженной влиянию диссоциативного состояния, – отрезал отец. Его голос был стальным. – Мы лечим не «хочу», а дисфункцию. Иди в комнату. Через пятнадцать минут начнём.

Лиля вышла из кабинета, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Отец больше не пытался её «заземлить». Он объявил войну. И его противником была не она, а тень внутри неё. Он собирался бомбардировать эту тень звуком, пока она не выползет на свет.

В коридоре она столкнулась с матерью. Та вытирала пыль с подоконника. Их взгляды встретились на секунду. И в глазах матери – всегда пустых, всегда отстранённых – Лиля увидела нечто новое. Не страх. Не сочувствие. Понимание. Быстрое, как вспышка, и тут же погасшее. Мать отвела глаза и продолжила тереть уже чистую поверхность тряпкой, движения её стали резче, почти яростными. Она тоже что-то знала. И тоже боялась.

Вернувшись в комнату, Лиля упала на кровать. Она достала из-под матраца блокнот, открыла его на странице с планом. «ЗДЕСЬ НЕ НАЙДУТ». Она взяла телефон, дрожащими пальцами сфотографировала рисунок и отправила Марку. Почти мгновенно пришел ответ:

МАРК: Это гениально. Чистая топография бессознательного. Жди. Я работаю.

Она не поняла, что он имел в виду. Но через несколько минут на телефон пришло уведомление из соцсети. Марк выложил в закрытый аккаунт, посвящённый его «исследованиям», новое изображение. Это был коллаж. В центре – её фотография ладони на стене, сделанная ночью. Справа – увеличенный фрагмент кирпичной кладки. А слева... схематичный, угловатый рисунок плана из её блокнота, наложенный на реальную карту местности. Подпись: «Картография симбиоза. Фаза 2: Топография Убежища.»

Комментарии его немногочисленных подписчиков, таких же эстетов упадка, посыпались сразу: «Сильно», «Бездонно», «Ты поймал сам дух места».

Её внутренний лабиринт, её тайный план спасения – стал публичным достоянием. Арт-объектом. Она чувствовала тошнотворное головокружение. Её разрывали на части: отец, готовый штурмовать её психику звуком, и Марк, с любовью препарирующий её распад для всеобщего обозрения. А где-то посередине, в нарастающей тишине, крепчала Другая, затыкая губкой чужие диктофоны и отмечая на картах места, куда не следует соваться.

Она встала и подошла к окну. На подоконнике, в углу, куда не доставала тряпка матери, лежала ещё одна микроскопическая кучка красной пыли. Как будто кто-то сидел здесь, смотрел на улицу и незаметно, по крупице, осыпался.

Лиля протянула палец, коснулась пыли. Она была сухой и тёплой, будто нагретой солнцем, которого за окном не было – день был пасмурным.

И тогда она поняла. Тишина, которой так жаждала Другая – это не отсутствие звука. Это другое качество звучания. Звук камня, растущего в темноте. Звук пыли, оседающей на подоконнике. Звук корня, раскалывающего кирпич. Это был звук, который никто, кроме неё (и, может быть, Марка, но он слышал только его эстетику), не мог воспринять.

Отец ошибался. Выманить Другую звуком не удастся. Потому что Другая и есть самый громкий звук в её мире. Тихий, неумолимый гул распада, нарастающий с каждым днём.

А до начала «аудиальной провокации» оставалось десять минут. Она сжала в кулаке крошечную крупицу кирпича с подоконника. Теперь у неё был свой талисман. Своя частица этого другого, грохочущего тишиной мира.

Она была деревом, раскалывающим камень. И камень, трескаясь, звал её всё глубже.

Глава 7: УДАР НЕЖНОСТИ

Дни стали похожи на мокрую губку, впитавшую в себя предгрозовое электричество. Отец внедрил «аудиальную провокацию» в ежедневный протокол. Теперь в её комнате, помимо камеры, появился динамик, подключенный к его компьютеру. В случайные промежутки времени – никогда не по расписанию, чтобы не дать привыкнуть – раздавались звуки: записанный гул турбин, лай собак, обрывки многоголосой толпы, внезапные громкие хлопки. Цель была ясна: спровоцировать выход Другой, зафиксировать её реакцию на камеру. Лиля научилась не вздрагивать. Она замирала, как кролик перед удавом, и ждала, пока звуковая волна не прокатится сквозь неё. Иногда она сжимала в кармане кирпичный осколок – его острые грани впивались в ладонь, давая точку опоры в море искусственного шума. Другая не выходила. Она затаилась глубже, оставляя лишь материальные следы: новый рисунок в блокноте (схема вентиляционных ходов в их же доме), исчезновение батареек из пульта от телевизора, крошечная пирамидка из красной пыли на книжной полке. Марк требовал встреч. Он жаждал новых «данных», фотографий её состояния на фоне разных частей крепости. «Контекст важен, – писал он. – Мы документируем фазы. Ты сегодня более зернистая или более гладкая? Чувствуешь пульс в левом или правом виске?» Его любопытство было голодным, ненасытным. Он стал для неё одновременно спасательным кругом и гирей на ноге. Именно он предложил встретиться у старого причала на Березине. «Там тихо. И туман. Идеальный фон», – написал он. Лиля согласилась. Любая точка вне дома, вне радиуса действия отцовских динамиков, была побегом. Вечер был влажным и тёплым. Воздух пахёл речной водой, тиной и далёким дымом костров. Туман, как и обещал Марк, стлался по воде густыми, медленными клубами, скрывая противоположный берег. Мир сузился до нескольких метров скрипучих досок причала, чёрной воды и серого, непроглядного марева. Марк уже ждал. Он прислонился к ржавой балке, на которой когда-то крепились фары для ночной швартовки. На этот раз у него была не «мыльница», а зеркальная камера с длинным объективом. Профессиональный инструмент. – Ты видела? – спросил он вместо приветствия, указывая подбородком на туман. – Он сегодня плотный. Осязаемый. Как будто можно отломить кусок и унести с собой. Лиля молча подошла к краю причала. Смотрела, как туман клубится у её ног. Он действительно казался плотным. Почти твёрдым. В нём плясали миллионы микроскопических капель, и ей вдруг представилось, что это не вода, а та самая кирпичная пыль, взвешенная в воздухе. Город дышал, и выдыхал свою сущность. – Как ты? – спросил Марк, подходя ближе. Его голос прозвучал непривычно тихо, почти задушевно.

– Отец... включает звуки, – сказала она, не оборачиваясь. – Чтобы выманить её.

– Идиот, – с искренним презрением выдохнул Марк. – Он хочет словить бабочку сачком для комаров. Он не понимает масштаба. – Он положил руку ей на плечо. Лёгкое, осторожное прикосновение. – Ты держишься? Этот простой вопрос, заданный без привычной эстетической окраски, пробил брешь в её оцепенении. Она почувствовала, как в горле встаёт ком. Ком боли, усталости, безысходности. Она кивнула, не в силах выговорить слово. – Я знаю, что это тяжело, – продолжал он, и его голос приобрёл новые, незнакомые оттенки. Тёплые. Человеческие. – Знаю, что ты одна. И я... я хочу быть с тобой. Не только как наблюдатель. Он обошёл её, чтобы встретиться взглядом. В его тёмных глазах, всегда таких отстранённых, горел непривычный огонь. Искренности? Страсти? Лиля не могла разобрать. Туман вился вокруг них, изолируя от всего мира. – Все эти недели, что я наблюдаю за тобой, снимаю тебя... я сначала видел лишь феномен. Связь. Искусство. – Он говорил медленно, подбирая слова. – Но потом я стал видеть тебя. Ту, что прячется за этим. Ту, что боится, страдает, борется. И я понял, что это... больше, чем проект. Он взял её руки. Его пальцы были холодными, но держали её крепко. Она не отнимала рук. Она замерла, как зачарованная. Никто не говорил с ней так. Никто не видел

за «феноменом» человека. Даже если это была его иллюзия, она была так сладостна, так необходима. – Лиля, – произнёс он её имя, и оно прозвучало как заклинание. – Ты не одна. Я здесь. Я с тобой. И я... я люблю тебя. Слова. Они повисли в тумане. Не звуки. Не колебания воздуха. Физические объекты. Они ударили её в солнечное сплетение с силой кувалды. «Люблю тебя». Три слога. Три пули. Вместо тепла, обещанного сказками, в груди разлился леденящий ожог. Панический, животный ужас, знакомый до боли, поднялся по пищеводу, сдавил горло. Любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.